

Паркер обронил небрежное: «Добираться не так уж и далеко», — но прозвучало это так, будто в Терновом легионе вот-вот вспыхнет мятеж.

— Пустяки, всего лишь один звездолет, — Эйден легкомысленно использовал слово звездолет, чтобы скрыть тот факт, что «Рассвет» — это авианосец межсистемного класса. — Однако на протяжении тысяч лет Терновый легион был надежным щитом Федерации против внешних врагов. Мы ни в коем случае не должны допустить, чтобы в руках Рудольфа он превратился в терновник, который вонзится нам же в ноги.

Под одобрительный гул присутствующих Эйден повысил голос:

— У Рудольфа в покровителях — старый хрыч комиссар Офалис, в сторонниках — горстка ястребов из военного ведомства, внизу — слепо преданный ему, промытый пропагандой легион, а снаружи — хищно скалятся инопланетные твари вроде химер и зергов... Поэтому лучший и самый эффективный способ — подобрать ему рассудительного омегу, который мягко и ненавязчиво, словно весенний дождь, направит его на путь истинный.

В то время как председатель Сената и два его заместителя готовились на предстоящем заседании кабинета министров вновь инициировать импичмент Рудольфу, сам командующий Терновым легионом вместе с Гамильтоном вошли в парадную дверь обширного поместья последнего.

— Я поговорю с Ивеном, — Гамильтон озадаченно почесал в затылке, — а ты сам поговори с Шазо.

Рудольф кивнул и снял фуражку. Его короткие платиновые волосы были аккуратно зачесаны назад, что в сочетании с резкими, волевыми чертами лица и типично альфовской внешностью придавало ему властный, внушающий трепет вид.

При виде Рудольфа у Ивена от нервов скрутило желудок. Он беспомощно взглянул на своего партнера, и в его голосе послышалась слабая дрожь:

— Дорогой?

Гамильтон широким шагом подошел к нему и крепко обнял своего омегу:

— Мы сходим наверх... обсудим кое-что.

Ивен попытался вырваться:

— Я не хочу ничего с тобой обсуждать!

У него было дурное предчувствие — такое же, как в ту ночь, когда забрали Дэниела.

Альфы обладают куда большей физической силой, чем обычные люди, поэтому Гамильтон без труда подавил сопротивление своего омеги и, не выпуская из объятий, понес его на второй этаж.

Взгляд Шазо упал на эмблему на фуражке, которую держал мужчина: там был изображен знакомый ему терновый венец.

— Ты твердо намерен забрать меня?

Адмирал едва заметно, но решительно кивнул.

— Причина? — Из-за разницы в росте Шазо пришлось слегка задрать подбородок, чтобы заглянуть мужчине в глаза. В полумраке они казались глубокого серого цвета.

От этого детского жеста взгляд Рудольфа смягчился:

— Твой блокатор дал небольшой сбой... Поскольку Кейн изначально не регистрировал твой статус в Ассоциации по защите омег, думаю, он бы не хотел, чтобы ты там оказался.

Если бы здесь был бригадный генерал Доусон, он ни за что бы не поверил, что человек, произнесший такую длинную и содержательную фразу, — это сам грозный командующий легионом.

— Пожалуй, ты прав, — Шазо кивнул, не выказав особого удивления тем, что его омежья сущность раскрыта. — Он уже однажды необъяснимым образом перестал работать... Есть еще причины?

Рудольф, помня совет Гамильтона, терпеливо пояснил:

— Кейн не был дезертиром. В свое время он оказался замешан в серьезные неприятности... Если хочешь, я подробно расскажу тебе об этом по дороге.

Шазо остался доволен ответом и не стал расспрашивать дальше, вместо этого он обернулся к лестнице:

— Ивен, наверное, будет расстроен.

Словно в подтверждение его слов, в проеме лестницы показалась фигура Ивена. Омега, выглядевший еще более хрупким и тонким, чем подросток, подошел к Шазо и заключил его в объятия.

Шазо утешающе похлопал его по спине, приподнялся на цыпочки и прошептал на ухо:

— Не волнуйся, я постараюсь найти возможность навестить Дэниела... И если получится, я верну его домой.

Ивен опустил глаза, боясь, что, если сейчас заговорит, в его голосе послышатся рыдания. Глубоко вздохнув несколько раз, он поднял взгляд на Рудольфа:

— Генерал, прошу, дайте нам несколько минут на прощание.

Не дожидаясь ответа, он увел Шазо наверх. Гамильтон, следовавший за ними, виновато и беспомощно улыбнулся Рудольфу.

Рудольф поправил фуражку и, как бы между прочим, произнес:

— На чрезвычайной сессии обеих палат парламента в начале этого года семья Офалис проголосовала за предложение об отмене права Ассоциации омег на распределение омег.

Он помолчал, а затем добавил:

— К сожалению, предложение не прошло.

Гамильтон не знал, почему тот заговорил об этом, но почувствовал облегчение:

— Тебе не нужно ничего мне обещать. У меня все равно нет третьего варианта: либо Терновый легион, либо Ассоциация омег. И я скорее поставлю на твою удачу.

Приведя Шазо в комнату, где тот жил последние дни, Ивен сказал с предельной серьезностью:

— Я знаю, это звучит внезапно... но ты должен запомнить: в будущем, выбирая альфу для метки, всегда выбирай самого сильного.

Шазо, который совершенно не разбирался в подобных вещах, растерялся:

— А?

Ивен потрепал его по голове:

— Существует поверье: чем сильнее альфа, тем больше у него прав заполучить самого чистого омегу, даже если тот уже помечен. Не знаю, слышал ли ты об этом, но эта фраза закреплена в Федеральном законе о защите редких омег.

Шазо был в шоке:

— И это называется защитой? Если я сильнее альфы, значит, я тоже могу заставить его пометить меня, даже если у него уже есть омега?

Ивен пропустил его слова мимо ушей:

— Обычно партнеров омегам подбирает Ассоциация. Но ты не зарегистрирован в их базе, поэтому можешь выбирать сам. Хотя это тоже нарушение закона, но если за тобой стоит генерал, проблем быть не должно.

Он замолчал, собираясь с мыслями, а затем продолжил:

— Если омега, который уже имеет метку, будет помечен другим альфой, он получит тяжелейшую физическую и душевную травму... А ты — омега с очень чистой родословной и превосходными генами.

Шазо выразил явное сомнение, что не укрылось от Ивена.

— Поверь мне, — сказал Ивен. — Я пять лет проходил обучение для омег на Антаресе, но ты — самый чистый омега с самым сильным запахом без использования блокаторов, которого я когда-либо встречал. Знаешь, что это значит? Если эта информация просочится, альфы — те, кого привлечет твой аромат, или те, кто хочет получить самое выдающееся потомство, — накинута на тебя, чтобы поставить свою метку. Даже если ты уже помечен.

— У меня вопрос, — Шазо, заразившись серьезным тоном собеседника, наконец перестал отшучиваться. — Что конкретно... означает метка?

На прощание Ивен не только набил сумку Шазо сладостями, но и подарил ему простую, но практичную белую повязку на глаза из мягкой экокожи, которая ощущалась как вторая кожа.

Впрочем, Шазо было не до приятных ощущений — его голова была забита знаниями о течке и метках, которыми поделился Ивен.

— Оказывается, при окончательной метке используется узел — вещь, которую невозможно даже представить, не то что увидеть!

— Отец, почему ты никогда не рассказывал мне об этом кошмаре!

— Зачем говорить, что блокаторы нужны лишь потому, что течка длится долго и это пустая трата времени?

— Почему ты не сказал, что для того, чтобы пережить течку, нужно заниматься с альфой этим самым несколько дней подряд!

— И от этого еще и беременеют!!!

Помимо того, что Шазо пришлось осознать и принять свою омежью сущность, ему предстояло столкнуться с еще более суровым вызовом. Он шел к Рудольфу в таком смятении, что едва не споткнулся о собственные ноги.

Реакция командующего была молниеносной: когда Шазо пошатнулся, он тут же подхватил его под локоть.

Прикосновение к плечу вернуло Шазо в реальность, и он отчетливо ощутил исходящие от альфы феромоны: мощные, властные, тяжелые, подавляющие...

После встреч с космическими пиратами и нескольких дней рядом с Гамильтоном Шазо уже не реагировал на запах альф так остро, как раньше, когда ему хотелось немедленно разбить им лица. Но феромоны Рудольфа все равно вызывали у него чувство угрозы. Тем более что гормональный фон адмирала сейчас был нестабилен, а в голове у Шазо еще звучали пугающие откровения Ивена.

Внутренне сжавшись, юноша инстинктивно схватил Рудольфа за руку, лежащую на его плече, и попытался провести стандартный бросок через бедро!

Прежде чем Шазо успел завершить бросок, Рудольф совершил лишь одно движение: правой ладонью уперся парню в поясницу, намертво блокируя его попытку применить силу.

Шазо: «...»

Бросок был прерван на полуслове — в тот самый момент, когда он, потянув альфу на себя и используя свое плечо как рычаг, собирался швырнуть его через себя. Но рука, упершаяся в поясницу, лишила его всякой возможности двигаться.

При такой близости запах самца-альфы казался особенно густым, а из-за положения тел Шазо оказался словно в полуобъятиях.

После двух пережитых попыток течки, которые были подавлены в самом начале, и с учетом того, что блокатор, который вколол Ивен, был четырехлетней давности, в организме Шазо больше не было стабильного баланса между подавителями и феромонами. А у адмирала Рудольфа, возбужденного близостью омеги, гормоны били ключом.

Хотя он изо всех сил старался сдерживаться, их ауры начали смешиваться. В воздухе, пропитанном переплетающимися феромонами альфы и омеги, разлилось пьянящее, дурманящее марево.

Рудольф отдернул руку и поспешно отступил на два шага. Шазо в ту же секунду отскочил в противоположную сторону.

Стоило им разорвать физический контакт, как тренировка адмирала по сопротивлению феромонам дала результат, а блокаторы в теле Шазо начали вновь подавлять инстинкты. Все это произошло за считанные секунды, но Гамильтон и Ивен, наблюдавшие со стороны, были потрясены.

Первым заговорил Рудольф. Поправив край фуражки, он холодно произнес:

— Я прикажу военному врачу разобраться с твоими блокаторами.

Шазо кивнул:

— Хорошо.

Когда огромный меха, уносивший их, превратился в крошечную точку в небе, Ивен наконец отвел взгляд, но не сдвинулся с места.

— Пойдем, — поторопил его Гамильтон.

Ивен снова посмотрел туда, где исчез меха:

— Это наше решение...

— Это решение самого Шазо, — Гамильтон обнял его за плечи, поправляя.

— Генерал — очень сильный альфа, — с тревогой сказал Ивен. — И у него никогда не было омеги. Если вдруг...

— Разве это не хорошо? — Гамильтон не придавал этому значения. — Чем сильнее альфа, тем больше у него прав выбирать себе омегу.

Ивен хотел было возразить, но многолетнее воспитание и природная покорность омеги своему альфе заставили его лишь открыть и тут же закрыть рот.

Гамильтон не заметил его невысказанных слов. Крепко прижав его к себе, он с облегчением выдохнул.

Меха Рудольфа был крупнее стандартных моделей. Металлический блеск и мощные формы придавали ему особую эстетику грубой силы.

— Яцзы, — коротко представил его генерал.

Шазо задрал голову, глядя на высоко расположенную кабину пилота. Он ломал голову, как туда забраться: до ступеней было далеко, зацепиться не за что... Может, использовать тот сплавной нож на поясе? Но до кабины все равно не дотянуться.

Пока он размышлял, меха, стоявший до этого в полный рост, внезапно опустился на одно колено. Черно-золотая ладонь плавно опустилась перед Шазо на идеальной высоте — ровно столько, чтобы сделать один шаг.

Кейн, обучая его пилотированию, тренировал его только на симуляторах и забыл показать, как правильно садиться в машину. Даже тот побег на «Шоне III» несколько дней назад был его первым реальным опытом.

Впервые с ним обращались так бережно, и Шазо, который всегда любил мехи, сразу проникся к «Яцзы» огромной симпатией.

Ступив на ладонь, Шазо с восторгом гладил обшивку, сочетавшую в себе стремительные линии и мощь, совершенно забыв о следовавшем за ним Рудольфе.

«Яцзы» аккуратно поднял их к кабине. Как только они вошли внутрь, меха выпрямился, его главный двигатель и двенадцать вспомогательных сопел взревели, и вскоре аппарат, набрав первую космическую скорость, прорвал атмосферу планеты Тэншэ-А и устремился в

бескрайний космос.

Оказаться в тесной кабине наедине с альфой было для Шазо волнительно. Прошлый опыт был далек от приятного. Он чувствовал: феромоны Рудольфа были куда гуще, чем у Валентина, но в них не было той наглой, агрессивной навязчивости. А благодаря связи с Кейном он подсознательно чувствовал к Рудольфу доверие.

От этого ему стало намного спокойнее.

Рудольф же, напротив, был встревожен. Он всегда презирал инстинктивное влечение между альфами и омегами и умел подавлять свои импульсы. Но этот мальчишка с неисправными блокаторами выбивал его из колеи.

Сквозь действие препаратов он отчетливо ощущал исходящий от него едва уловимый аромат — такой чистый, свежий и сладкий... Чем дольше он витал в воздухе, тем сильнее бередил душу.

...Как такое возможно?

Шазо не замечал внутренней борьбы адмирала. Он был полностью поглощен сложной системой управления «Яцзы», жадно изучая каждую деталь. Меха вел себя с ним дружелюбно: не только открыл доступ ко всем панелям, включая оружейные, но и активировал интеллектуальную систему поддержки боя.

Рудольф, с опозданием заметив, что его грозный боевой аппарат подставил «живот» мальчишке, как ласковый питомец, сначала опешил, а потом, вспомнив Кейна, успокоился.

— Этот ребенок унаследовал талант отца к пилотированию... Нет, даже превзошел его.

С другой стороны, мысли о Кейне заставили Рудольфа устыдиться собственного замешательства. Собравшись с силами, он спросил:

— Ты... специалист по мехам?

Шазо, уже немного разобравшись в терминологии, ответил:

— Вряд ли, я не принимал генные стимуляторы.

— Кейн тоже их не использовал, — сказал Рудольф. — Но его мастерство было близко к десятому уровню. Способности, развитые без стимуляторов, обычно обладают большим потенциалом.

Шазо был в восторге от «Яцзы», и тот, послушно отключив автопилот на несколько минут, позволил ему попробовать ручное управление.

— У тебя отличная база, — оценил Рудольф, наблюдая за его действиями. — Кейн хорошо тебя обучил.

При упоминании приемного отца Шазо помрачнел и лишь спустя долгое время тихо ответил:

— М-м.

«Яцзы», почувствовав грусть юноши, выдвинул гибкий манипулятор и нежно коснулся его головы.

<http://bllate.org/book/21267/2154996>